

Три партии кряду Сяо Юэбай громил соперника прежде, чем успевал остыть чай. В конце концов Янь Сюнь, надув губы, не выдержал:

— Учитель, я больше не буду играть.

— Неужели совсем не хочешь? — Сяо Юэбай мягко улыбнулся. — А если я дам тебе фору в три камня?

— В три? — Янь Сюнь воодушевился и тут же решил зайти дальше: — А может, в пять? Если дашь пять, я точно тебя обыграю.

— Пять? — Сяо Юэбай тихо рассмеялся. — Неужели Ваше Высочество так уверены в себе? Боюсь, пяти камней будет мало.

— Вполне достаточно! — Янь Сюнь с решительным видом выставил первый камень. — В этот раз я не оставлю от твоих сил и камня на камне.

— Что ж, посмотрим.

Сяо Юэбай поднял руку. Широкий рукав соскользнул, обнажив предплечье, чья безупречная кожа в призрачном лунном свете напоминала дорогой матовый фарфор. Протянув руку к стоявшей перед принцем тарелке, он кончиками пальцев подхватил кусочек хрустального печенья с османтусом и откусил с краю.

Янь Сюнь уловил тонкий аромат цветов. Он невольно уставился на тонкие пальцы, подносящие сладость к губам; когда те разомкнулись, между ними на миг мелькнул алый кончик языка.

Заметив этот пристальный взгляд, Сяо Юэбай решил, что мальчику просто жаль угощения, и весело заметил:

— Почему ты так смотришь на меня, Ваше Высочество? Разве в тарелке мало осталось?

Служанка принесла целую дюжину хрустальных печений с османтусом, пока они были увлечены игрой. К ним еще никто не притрагивался: в тарелке лежало одиннадцать штук. Видя, что Янь Сюнь молчит и не сводит с него глаз, Юэбай просто протянул ему надкушенное печенье:

— На, ешь.

Янь Сюнь не взял его, лишь капризно протянул:

— Хочу, чтобы учитель меня покормил.

Сяо Юэбай не смог сдержать улыбки. Пробормотав: «Ну и баловник же ты, Ваше Высочество», он всё же поднес лакомство к губам принца.

Янь Сюнь не просто взял печенье — он буквально выхватил его губами, едва не прикусив палец Юэбая. Ощувив жар чужой кожи, он мгновенно залился румянцем; его глаза заблестели, отчего лицо стало совсем детским и трогательным. Проглотив кусок, он прошептал, не отрывая взгляда от учителя:

— Еще... Покорми меня еще.

Против этого жалобного тона у Сяо Юэбая не было защиты. Он кормил его, пока принц не съел пять штук и не покачал головой, наевшись. Заметив, как округлились его щеки — точь-в-точь как у белки, запасшей орехи, — Юэбай шутливо ущипнул его.

Янь Сюнь сердито посмотрел на него и, внезапно поймав губами указательный палец учителя, невнятно пробормотал:

— Учитель, ты меня обижаешь.

Юэбай не стал отнимать руку. Глядя в эти ясные, изысканные глаза, он тихо спросил:

— Ну что, партию доигрывать будем?

— Конечно! — Янь Сюнь немедленно выпустил его палец. — И не думай, что я тебя боюсь!

Голос его всё еще звучал немного смазанно из-за остатков сладости во рту, что изрядно портило грозный тон. Сяо Юэбай отправил в рот еще одно печенье; вкус османтуса и нежная сладость мгновенно наполнили его.

В этот раз Сяо Юэбай закончил партию еще быстрее, взяв черные камни принца в плотное кольцо. Янь Сюнь, недолго думая, смахнул все камни в кучу, перемешивая их.

— Ну что, учитель, признаешь поражение? — самодовольно спросил он.

Сяо Юэбай на мгновение задумался, а затем выставил один-единственный белый камень, мгновенно разбивая окружение противника. Видя это, Янь Сюнь вконец разбушевался: он сбросил все драгоценные камни из юньцзы на землю, а сам приник к шахматной доске и, задрав голову, жалобно посмотрел на Юэбая.

— Всё, не играю! Я всегда проигрываю!

Сяо Юэбай подпер подбородок ладонью. В его глазах заплясали лукавые искорки.

— Тогда, может, мне сыграть тебе на цине?

Вспомнив недавнюю «музыку» учителя, Янь Сюнь вздрогнул.

— Нет-нет, избавь! Боюсь, твои струны распугают всех птиц в округе.

Юэбай легонько щелкнул его по лбу.

— Тогда еще партию?

Янь Сюнь прижался лбом к его ладони, как котенок.

— Поздно уже. Неужели учитель не устал?

— Вовсе нет.

Услышав это, принц вскочил и буквально нырнул в объятия Юэбая.

— Раз не хочешь спать, то не надо ни музыки, ни игр. Расскажи мне лучше сказку.

Юэбай, опасаясь, что мальчик соскользнет, подхватил его за пояс и, устроив поудобнее, кивнул:

— Хорошо. Послушай. Жил-был один сановник. Впервые увидев наследного принца, он в ту же секунду пленился им и возымел порочные помыслы. Но принц не отвечал ему взаимностью и всячески избегал встречи. Тогда этот человек пошел на всё: интригами и хитростью он добился поста канцлера, чтобы принц не мог от него скрыться. Когда же тот взошел на трон, канцлер прибрал к рукам власть, уничтожил врагов и в итоге стал настолько могущественным, что заставил императора... выйти за него замуж.

Сяо Юэбай отпил глоток холодного Дахунпао и со вздохом добавил:

— Его дерзость не знала границ, это было тяжкое преступление. Скажи, А-Сюнь, если бы ты был тем императором, как бы ты поступил с ним?

— Будь я на его месте, — не задумываясь, отчеканил Янь Сюнь, — я бы первым делом подрезал

ему крылья. Лишил бы чинов, выгнал из палаты и оставил во дворце в качестве самого последнего слуги. Чтобы он до конца дней своих не знал покоя.

Сяо Юэбай и раньше понимал, что в прошлой жизни выбрал неверный путь, и давно раскаялся в содеянном. Но от этих слов в груди разлилась горечь. Он страдал не от того, что Янь Сюнь мог бы его замучить, а от того, что сам когда-то довел его до такого отчаяния. Он крепче прижал мальчика к себе, вдыхая густой аромат алойного дерева, исходящий от его одежды.

— А этот сановник... он что, был женщиной? — вдруг спросил Янь Сюнь. — Разве женщины могут быть канцлерами?

Сяо Юэбай лишь горько усмехнулся. В их империи не жаловали мужскую любовь, а Янь Сюнь был слишком юн, чтобы понимать, что чувства могут вспыхнуть и между двумя мужчинами. Возможно, в прошлой жизни Янь Сюнь потому и презирал его, что его сердце тянулось к женщинам? Что ж, если так, то в этой жизни он просто станет для него идеальным учителем. Возведет на престол, а когда станет не нужен — уйдет в горы.

Несмотря на тепло тела Янь Сюня, Юэбай вдруг ощутил, как его пробирает ледяной холод. Он растекался по жилам, сковывая кровь, превращая каждый вздох в иней.

— Нет, — едва слышно прошептал он, — это был мужчина.

— Мужчина? Разве мужчины влюбляются в мужчин?

— Когда чувства глубоки, им всё равно, в каком теле живет душа.

— Ну, если тот император был так же красив, как учитель, тогда неудивительно, — усмехнулся Янь Сюнь. Но тут же, словно что-то сообразив, он задрал голову и властно добавил: — Другим мужчинам можно любить учителя, но тебе нельзя любить никого, кроме меня! Ты обещал быть моим учителем до самого конца.

Юэбай снова почувствовал себя живым. Холод отступил, а в глазах блеснула влага.

— Обещаю.

Получив желаемое, Янь Сюнь радостно спрыгнул на пол и, обняв Юэбая за пояс, предложил:

— Пойдем, я помогу тебе добраться до постели.

Юэбай хотел было сказать, что воспользуется креслом, как вдруг тишину разорвал голос слуги:

— Благородная наложница Хань прибыла!

При этом имени Янь Сюнь мгновенно переменялся в лице. Всё тепло исчезло, он отстранился и, сев напротив Юэбая, принялся молча пить остывший Дахунпао. Холодный напиток обжигал горло, словно подчеркивая внезапную стужу в его душе.

Эта женщина не знала милосердия. Хотя Янь Сюнь и был ее родным сыном, она всегда была к нему холодна, а в прошлой жизни и вовсе пыталась свергнуть его, сговорившись со своим кланом. Зачем она пришла сейчас?

Сяо Юэбай ободряюще коснулся руки Янь Сюня, прежде чем тоже поднять свою чашку. Вскоре в Дворец Фуюй вошла Благородная наложница Хань в сопровождении служанки. Несмотря на годы, ее красота была ослепительной, а стан — соблазнительным. Роскошные одежды и тяжелые золотые шпильки с кистями сверкали в лунном свете, подчеркивая ее надменность.

Янь Сюнь встал, формально поклонился и сухо спросил:

— Не знал, что матушку-наложницу приведут ко мне столь важные дела в такой поздний час.

Юэбай, не имея возможности встать из-за раненых ног, лишь склонил голову:

— Приветствую Благородную наложницу.

Лицо наложницы Хань помрачнело от гнева. Она шагнула вперед и занесла руку для удара. В этот замах она вложила всю свою ярость — если бы пощечина достигла цели, губа Янь Сюня наверняка была бы разбита в кровь. Но Янь Сюнь даже не шелохнулся.

Сяо Юэбай, одной рукой опершись о стол, другой перехватил запястье женщины.

— Благородная наложница, к чему этот гнев? — строго спросил он.

Она вырвала руку и с презрением посмотрела на него:

— Сяо Юэбай, господин учитель... Я-то думала, раз ты лучший из лучших, то и ума у тебя палата. Потому и выпросила тебя у императора для этого неблагодарного щенка. А ты не только не научил его ничему путному, но и позволил навлечь на нас такую беду!

Мягкость мгновенно слетела с лица Сяо Юэбая.

— Если вы так уверены, что именно Его Высочество отравил наследного принца, зачем вы

здесь? Не боитесь замарать свою честь? Или же вы...

Он сделал паузу и посмотрел пугающе остро.

— Или же вы пришли заставить его признаться? Какую выгоду получит семья Хань, если он возьмет вину на себя?

На лице наложницы Хань на мгновение отразилось замешательство. Она пришла лишь потому, что боялась, как бы поступок сына не погубил ее положение.

— Он мой сын, как я могу желать ему зла? — голос ее стал чуть мягче, когда она обратилась к Янь Сюню: — Признайся отцу во всём сам, и я смогу вымолить для тебя жизнь. Ты...

— Благодарю матушку за заботу, но я в ней не нуждаюсь, — оборвал ее Янь Сюнь. — Уже поздно, возвращайтесь к себе. Моё доброе имя уже запятнано, не хочу, чтобы тень пала и на вас. Провожать не стану.

Договорив, он отвернулся и принялся медленно жевать хрустальное печенье с османтусом, словно ее здесь и не было.

«Этот ребенок мучил меня всю ночь, прежде чем родиться, и с тех пор приносит одни несчастья!» — в ярости подумала она.

— Что ж, когда правда выплывет наружу, не надейся, что я или род Хань станем тебя спасти! — выплюнула она, развернувшись и, поддерживаемая служанкой, зашагала прочь.

Как только она скрылась, силы оставили Сяо Юэбая. Без опоры на обе руки он рухнул обратно на каменную скамью, едва удержав равновесие.

Янь Сюнь, который втайне еще надеялся на каплю материнского тепла, почувствовал себя последним дураком. Он подошел к учителю и, уткнувшись лицом в его спину, мертвой хваткой вцепился в его пояс.

Сердце Сяо Юэбая облилось кровью. Обернувшись, он увидел перед собой совершенно раздавленного ребенка. Янь Сюнь едва сдерживал слезы — он напоминал брошенного зверя, ищущего хоть немного тепла. В порыве сострадания Юэбай коснулся губами его лба, но тут же отпрянул, осознав, что делает. «Он еще слишком мал, он не понимает, что такое любовь. Я не имею права пользоваться его слабостью».

Но Янь Сюнь, не заметив его замешательства, воспринял поцелуй как простую ласку. Он сам потянулся к учителю, коснулся губами его лба и глухо попросил:

— Ты единственный, кто добр ко мне. Обещай, что никогда не бросишь.

Юэбай вздрогнул, а затем его сердце забилося с удвоенной силой. Этот ответный жест был чистым и искренним, в нем не было ни капли страсти, но было нечто гораздо более важное — безграничное доверие.

— Обещаю, — прошептал он ему на ухо. — Пока ты сам не прогонишь меня, я буду рядом до последнего вздоха.

— Я никогда тебя не прогоню, — Янь Сюнь протянул ему кусочек пельменя. — Будем каждый день вместе пить чай и есть сладости...

Он на секунду замолчал, а потом хитро добавил:

— Но в следующий раз ты дашь мне фору в десять камней.

— Неужели десяти хватит? — рассмеялся Юэбай.

— Тогда давай пятнадцать!

Небо на востоке начало светлеть, когда в дверь спальни Чжоу Це настойчиво постучали.

<http://bllate.org/book/17467/1698272>